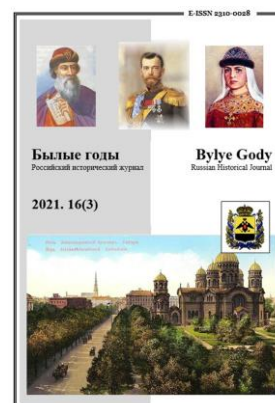

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1087-1097
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1087
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Evolution of Approaches of the Russian State to the Fight against Infectious Disease Epidemics in the Period from the Moscow State to the beginning of the XX century

Anton M. Tuzin ^a, Marina V. Danilina ^{b, c, *}, Irina A. Guseva ^b, Yilmaz Bayar ^d

^a Russian University of Cooperation, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics (PRUE), Russian Federation

^c Finance University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

^d Badirma Onyedi Eylul University, Turkey

Abstract

The article discusses experience of struggle against epidemics of infectious diseases in Russia from the Moscow state to the beginning of the XX century. This experience is analyzed through a retrospective of the fight against the plague epidemic in the Russian Empire at the end of the XVIII century and the cholera epidemic in the middle of the XIX century. The main phase of struggle against infection diseases has begun in Russia in the middle of the XIX century only. Russia has got an experience of such situation late enough. Since the earliest times of its history Russian approaches for the fight against epidemics in both the bureaucratic and medicine spheres has been extremely backward and only in the 18th century the situation began to change for the better. But even after reforms of Peter the Great the fight against epidemics was conducted ineffectively, which was supplemented by the global problems in understanding the nature of various infectious diseases. Thus we have to agree involuntarily with Soviet sources, despite a certain degree of their ideological bias that the fight against cholera, as well as with all diseases, was possible in pre-revolutionary Russia only after a radical change in the political system and broad social reforms.

Keywords: epidemical diseases, infections, plague, cholera, Russian Empire.

1. Введение

Для исследования эволюции подходов Российского государства к борьбе с широкомасштабными эпидемиями в былые эпохи необходимо рассмотреть ряд примеров, в частности эпидемии чумы в Москве в 70-е гг. XVIII в. и холеры в 1852–1860 гг. на Юге Российской империи, включая Украину и Польшу, входившую в тот период в состав нашей страны.

Целью данного исследования является выявление факторов, в рамках воздействия которых происходила упомянутая выше эволюция подходов к борьбе с инфекционными заболеваниями, а также к их исследованиям. Важное значение в этой связи имел общий прогресс мировой науки как относительно технического проникновения в микромир при помощи изобретенного в конце XVI в. микроскопа, так и иных способов. Не менее значимую роль играла эволюция русского и российского государственного аппарата с древнейших времен и до 1917 г., а также социального взаимодействия между различными слоями и социальными группами. Именно социальное взаимодействие на фоне значительного неравенства в имущественном и правовом отношениях также играло негативную роль в части борьбы с инфекционными заболеваниями в Древней Руси, Русском государстве XV–XVII вв. и в Российской империи (1721–1917).

* Corresponding author

E-mail addresses: marinadanilina@yandex.ru (M.V. Danilina)

2. Материалы и методы

В рамках реализации данного исследования авторы опирались на исторические источники – «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ), «Медицинский отчет о холерной эпидемии в Киеве 1847 года» (Н. Козлов, Ф. Цыцулин, А. фон Вальтер), «Отчеты о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1896–1919 гг.» (Санкт-Петербург, 1905–1916 гг.), «Чума в Одессе. Отчет о командировке в г. Одессу для ознакомления с чумой и с современными способами борьбы с нею приват-доцента Императорского Казанского университета Петра Заболотнова» и др. Также использовалась российская и зарубежная историческая литература преимущественно XIX–XX вв., посвященная исследованию проблемы борьбы с чумой, холерой, тифом и иными массовыми инфекционными заболеваниями в Древней Руси, Русском государстве и Российской империи вплоть до Октябрьской революции 1917 г. В их числе Ипатьевская и Новгородская первая летописи.

3. Обсуждение

Историография широкомасштабных эпидемий инфекционных заболеваний в России до начала XX века базируется на нескольких типах различных источников, последовательно сменявших друг друга с течением времени, либо существовавших одновременно. При этом для авторов настоящего исследования ключевым в вопросе формирования историографической базы являлся критерий ее способности дать ответ на вопрос относительно эволюции подхода русского, а затем и российского государственного аппарата к борьбе с эпидемиями инфекционных заболеваний.

В наиболее древний период истории России, с IX по XVI вв., информацию о случаях массовых инфекционных эпидемий, а также о государственных мероприятиях по борьбе с ними предоставляли исключительно летописи. Применительно к проблематике данного исследования таковыми являются Ипатьевская, Новгородская первая летописи и ряд других. Как правило, информация, представленная в них, была весьма скудной и носила сугубо фактологический характер. Тем не менее летописи давали общую информацию о внешней симптоматике заболеваний, что позволяет современным исследователям хотя бы примерно делать выводы о типе болезни, количеству умерших различных возрастных и социальных групп, способах их захоронения, а также о мерах, предпринимавшихся властями для борьбы с эпидемиями ([Полное собрание русских летописей...](#), 1841: 58).

В ряду научной литературы, посвященной проблеме борьбы с эпидемиями на Руси древнейшего периода IX–XVI вв., следует особо отметить монографию Т.Ф. Хайдарова «Эпоха «Черной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах (конец XIII – первая половина XV вв.)» ([Казань: 2018](#)). В рамках настоящего исследования она позволила получить ценные сведения о географии ряда средневековых очагов чумы в Евразии, являвшихся непосредственными источниками многочисленных эпидемий этого страшного заболевания на Руси в XIII–XV вв.

Историография эволюции подходов Российского государства к вопросам борьбы с эпидемиями инфекционных заболеваний применительно к периоду Нового времени (конец XVII – начало XX вв.) представлена рядом отчетов отдельных медицинских работников и медицинских властей общеимперского уровня ([Чума в Одессе, 1911](#); [Козлов и др., 1848](#); [Отчет о состоянии народного здоровья, 1916](#)), а также обширным корпусом современной отечественной (в том числе на иностранных языках) и зарубежной литературы XX–XXI вв.

Отчеты медиков непосредственно из российских очагов эпидемий чумы и холеры XIX – начала XX вв. в крупных городах позволяют получить профессиональные сведения о характере распространения и большинстве параметров эпидемии от очевидцев «на местах», хотя и с поправкой на уровень знаний медицинской и микробиологической науки той эпохи. В свою очередь сведения из общеимперского отчета о состоянии здравоохранения на завершающем этапе существования царской России, в 1914–1916 гг., позволяют увидеть оценки правительства Николая II, касающиеся борьбы с инфекционными заболеваниями в общегосударственном масштабе в тяжелейших условиях Первой мировой войны.

Корпус отечественной (в том числе на иностранных языках) и зарубежной литературы новейшего периода XX–XXI вв. по теме исследования в контексте историографического анализа представляют многочисленные монографии и статьи по реализации политики Русского и Российского государства в области борьбы с эпидемиями ([Васильев и др., 1960](#); [Самсонов, 2015](#); [Михель, 2008](#); [Михель, 2008a](#); [Iskhakov, Aksenov, 2015](#); [Sahadeo, 2005](#)).

4. Результаты

Несмотря на то, что борьба с эпидемиями чумы и иных опасных заболеваний постепенно эволюционировала, этот процесс был весьма длительным и сопровождался миллионами жертв.

В IX–XV вв. в силу полного отсутствия знаний о микромире все «мероприятия» по борьбе с чумой и иными массовыми инфекциями сводились к широкомасштабному бегству населения из очагов заражения (что лишь больше разносило заразу), экстренному строительству все новых и новых церквей в городах (так, например, после завершения эпидемии чумы 1417 г. в Великом Новгороде местным духовным владыкой Семионом был проведен крестный ход с устройством новых церквей

([Полное собрание русских летописей, 1848: 115](#)), «обработке» воздуха на дорогах из зараженных районов жаром многочисленных костров и физическим недопущением больных людей в здоровые регионы путем выставления вооруженных кордонов и застав. Однако последние мероприятия, схожие по своему характеру с карантином, начали широко применяться властями лишь с конца XV века, когда постепенно на основе практического опыта начали подмечать эффективность мер физического недопущения больных в регионы с преобладанием здорового населения.

Отсутствие качественных знаний об инфекционных заболеваниях и их причинах дополнялось наличием на территории Древней и Средневековой Руси (как и в большинстве прочих регионов планеты) естественных природных очагов возбудителей болезней. Так, в частности, применительно к чуме в нашей стране в древние времена можно с уверенностью говорить о наличии трех природных зон зарождения и последующего распространения возбудителя упомянутого заболевания: на северо-западе, в центре Европейской России и в обширном районе в центре Евразии – от юга Аравийского полуострова до Урала ([Хайдаров, 2018: 84](#)).

Наряду с чумой, во многих районах Древней и Средневековой Руси, в том числе на Севере, были распространены такие заболевания, как сибирская язва (первая вспышка датирована 1571 г.), сыпной тиф (первая зафиксированная вспышка в 1682 г.), а также оспа ([Богоявленский, 1964: 72-75](#)).

В различных русских летописях можно найти множество указаний на массовые инфекционные заболевания. Так, в частности, представляет интерес датируемое Ипатьевской летописью за 1042 г. сообщение об эпидемии инфекционной болезни, разразившейся в войске сына Ярослава Мудрого Владимира во время похода последнего в земли финно-угорского племени ямь. Современные исследователи предполагают, что речь в данном фрагменте шла о сибирской язве ([Полное собрание русских летописей, 1843: 82](#)).

Как правило, вспышки любых инфекционных заболеваний несли с собой серьезные социально-экономические последствия. В значительной степени они имели характер замкнутого круга, когда частые эпидемии, наряду с размножением грызунов (прежде всего серых амбарных мышей), вызывали массовые вспышки инфекционных заболеваний, в свою очередь усиливавшихся и дополнявшихся ослабленными вследствие нескончаемых психологических стрессов организмами людей.

Наряду с социально-экономическими последствиями, крупномасштабные эпидемии инфекционных заболеваний (а равно и борьба с ними) в Средневековой Руси оказывали непосредственное влияние на внутреннюю и внешнюю политику. Так, в частности, современные исследователи предполагают, что именно эпидемия чумы, разыгравшаяся в начале XV в. в Смоленске, позволила литовскому великому князю Витовту захватить этот важный город. Тем самым Литва получила полный контроль над всей длиной Днепра – ключевой водной артерии того времени, некогда части важнейшего торгового и военного пути «из варяг в греки». Это событие по своему времени совпало с резким усилением территориальной экспансии Великого княжества Литовского против Московской Руси при Василии I и Василии II Темном.

К концу XIV века ситуация с чумой и ее проникновением на Русь обострилась в контексте торговых связей с германскими княжествами (с древнейших времен и до 1871 г. Германии как единое государство не существовало – Авт.). Наиболее показательной в этой связи являлась ситуация с «мором лета 6860» (1352 год – Авт.). Согласно Псковской первой летописи, от инфекционной напасти пострадали все слои населения, включая детей и монашество ([Полное собрание русских летописей, 1848: 190-191](#)). При этом число смертей было таково, что приходилось помещать по три–пять человек в один гроб ([Полное собрание русских летописей, 1848: 190-191](#)).

В этот период, согласно Новгородской первой летописи, в Великом Новгороде впервые начало применяться окуривание пахучими курительными смесями очагов заражения в целях недопущения их выхода во внешний мир ([Полное собрание русских летописей, 1841: 58](#)).

Вплоть до конца XIV века эпидемии чумы на западе и северо-западе Руси активно продолжались. Примечательна в этой связи Смоленская эпидемия чумы 1387 г., введенная в отечественную историческую науку Н.М. Карамзиным в XIX веке. Последствия ее, согласно Полному собранию русских летописей, были поистине катастрофическими: в живых в Смоленске осталось всего пять человек ([Полное собрание русских летописей, 2002: 150](#)).

Только с XVIII века борьба с чумой приобрела характер государственной политики. Петр I едва ли не впервые как в практике российской общей, так и военно-полевой медицины ввел карантинные заслоны и практику уничтожения всего имущества заболевших, включая скот, путем сжигания. Тем самым он боролся с негативными для российской армии последствиями эпидемии чумы 1709 г. в Восточной Пруссии и Польше ([Шкунов, 2018: 672](#)).

Практика Петра Великого в борьбе с инфекционными заболеваниями, и в частности с чумой, была продолжена Екатериной II (1762–1796): карантинные посты в составе врача и двух фельдшеров действовали на границах очагов заражения, в особенности у крупных городов, что привело к значительному снижению случаев эпидемий чумы в эпоху ее правления ([Самсонов, 2015](#)).

Тем не менее события 1770–1772 гг. во время широкомасштабной эпидемии чумы в «старой столице» – Москве – в эпоху Екатерины II вновь свидетельствовали о неготовности российских

верховных властей к подобной чрезвычайной ситуации, что приняло серьезный социальный оборот в виде восстания горожан, получившего в историографии название «Чумного бунта».

Не было проведено должных противоэпидемических мероприятий в русской армии, в тот период воевавшей с Турцией, не были предприняты соответствующие меры в западных и юго-западных русских провинциях – в Малороссии и в Польше.

В декабре 1770 г. эпидемия чумы охватила Центральную Россию и Москву, где за период с апреля по декабрь 1771 г., только по официальным данным, скончалось 56 672 человека (Самсонов, 2015). Однако даже Екатерина II признавала явную заниженность этих цифр и в переписке с приближенными утверждала о том, что истинное число жертв превышает 100 тыс. человек (Самсонов, 2015).

Следует отметить, что большинство зажиточных горожан, включая тогдашнего московского градоначальника, графа генерал-фельдмаршала Петра Семеновича Салтыкова, к лету 1771 г. спешно покинули Москву, оставив «старую столицу» России на произвол судьбы.

В этих условиях массово взбунтовались городские низы и крестьяне, находившиеся в городе.

Фактическое безразличие правительства Екатерины II к судьбе так называемых «низших слоев», не говоря уже о преступном попустительстве московских городских и иных региональных властей тех лет, сыграло ключевую роль в возникновении «чумного бунта» 1771 г. Печальный парадокс состоял, однако, в том, что именно социальный кризис на фоне эпидемии и попустительства властей к судьбе большей части населения Москвы и близлежащих губерний Центральной России, побудил Екатерину Великую решительно взяться за ликвидацию обеих бед.

После того как 18 сентября 1771 г. заместитель с позором бежавшего из Москвы фельдмаршала П.С. Салтыкова, генерал Петр Дмитриевич Еропкин, сумел собрать экспедиционный солдатский отряд при двух пушках. В результате его действий порядка 100 бунтовщиков были уничтожены, более 300 отданы под суд (из них 4 повешены) (Самсонов, 2015).

Однако самому П.Д. Еропкину этот подвиг стоил больших духовных и физических сил, поскольку характером он отличался весьма мягким (Самсонов, 2015). Ирония судьбы состояла в том, что спустя пятнадцать лет после описываемых кровавых событий, 28 июня (9 июля) 1786 г., именно генерал П.Д. Еропкин будет назначен главнокомандующим в столичном городе Москве и во всей Московской губернии и пробудет на этом посту без малого четыре года.

Однако на роль «лекаря» как в социальном, так и в самом прямом – медицинском значении этого слова Екатерина II назначила совсем иного человека – своего фаворита графа Григория Григорьевича Орлова. В результате его деятельности повстанцев и мародеров массово уничтожали, очаги заражения в виде домов и имущества сжигали, а для больных создали особые стационары – «чумные бараки» и начали выплачивать социальное довольствие (Самсонов, 2015). Как следствие, к концу 1772 г. чума в «старой столице» окончательно пошла на убыль.

Вместе с тем современные российские историки с сожалением отмечают, что лишь в условиях такого широкомасштабного стихийного бедствия, как эпидемия чумы, а не в результате целенаправленной скоординированной политики в «мирное время», в Москве был составлен генеральный план развития города и создан Каменный приказ (Сироткин, 2014).

Сын Екатерины II, император Павел I (годы правления 1796–1801) также уделял значительное внимание условиям лечения больных в целом, и инфекционных больных в частности. Так, в 1797 г. он лично посетил ряд медицинских учреждений «старой столицы» и приказал надлежащим образом следить за состоянием медицинской отрасли и больных всей Российской империи (Iskhakov, Aksenov, 2015).

В целом борьба с эпидемиями в XVIII столетии, несмотря на определенные успехи в части принятия экстренных мер, все еще серьезно тормозилась сохранявшейся с глубокой древности разобщенностью как между «высшими» и «низшими» слоями общества, так и между народом и властью. «Верхи», как правило, заботила мало либо совсем не заботила судьба социальных «низов» – крепостных и лично свободных (подавляющего меньшинства от общей массы) крестьян, городской бедноты, составлявших едва ли не большую часть населения страны. И это обстоятельство играло свою роковую роль, особенно в минуты тяжелых испытаний как для страны в целом, так и для ее отдельных территорий в частности.

В XIX веке и вплоть до начала XX века (в контексте хронологических рамок настоящей статьи – прим. Тузин, Данилина) число эпидемий непосредственно чумы в целом все еще оставалось весьма велико, равно как и число жертв каждой из них.

Теория очагов чумной палочки, связанная с ареалами обитания животных-носителей из числа эндемиков, возобладала после наблюдений за рядом из них в 1911 г. в Забайкалье (местный вид грызуна «табарган»), а также в Астраханской губернии (зараженный чумой степной суслик).

Тем не менее борьба с эпидемией чумы, как и с другими тяжелыми широкомасштабными заболеваниями, и в начале XX века оставалась тяжким бременем для властей и горем для населения. Особо следует в этой связи отметить негативные последствия менталитета последнего. Так, по свидетельству принимавшего участие в ликвидации эпидемии чумы в Одессе в 1911 г. приват-доцента Казанского Императорского университета Петра Заболотнова, в кварталах городской бедноты,

в частности еврейской, прививки, несмотря на всеобщую доступность, не пользовались популярностью. Причинами тому были, с одной стороны, общая невежественность населения, с другой же – стремительно распространявшиеся по «сарафанному радио» и зачастую намеренно преувеличенные сведения о реально имевших место побочных эффектах вакцинирования для организма. В результате до конца октября 1911 г. во всей Одессе было привито лишь порядка 800 человек (Чума в Одессе, 1911).

Показательно и то, что в своих размышлениях о причинах одесской эпидемии чумы 1910 г. и вероятности ее рецидивов в будущем, П. Заболотнов задается вопросом о наличии прямой связи чумы с ухудшившимся экономическим положением города со времени предыдущей эпидемии 1902 г. (Чума в Одессе, 1911).

Немаловажное значение для анализа изменений подходов Российского государства к борьбе с широкомасштабными эпидемиями инфекционных заболеваний, а также к их профилактике вплоть до Октябрьской революции 1917 г. имеет рассмотрение ситуации вокруг такого опасного и широко распространенного в Новое время заболевания, как холера.

В 1823 г. данная болезнь впервые в истории оказалась на пороге Европейского континента, выйдя из природного очага в Индостане и за шесть лет успев охватить всю Восточную Азию, включая Китай (Henze, 2011: 12). В последующем, вплоть до 1829 г., холера в Европе отсутствовала, однако в период 1830–1832 гг. охватила всю Россию и затем добралась до США (McGrew, 1960). При этом, в отличие от высокоурбанизированных Соединенных Штатов, городские очаги холеры в преимущественно сельской Российской империи того времени имели сугубо локальное значение в общей картине распространения эпидемии (Patterson, 1994).

Впервые столкнувшись с холерой в 1829 г., в эпоху Николая I (вторая общемировая эпидемия данной болезни в истории человечества (Сычев, 2016) Россия вновь, как и в случае с чумой, проявила полную неготовность к борьбе с этим крайне опасным заболеванием, что прямо свидетельствовало как о низком уровне развития отечественной медицинской науки тех лет, так и о неблагоприятной ситуации в системе государственного управления. Лишь в 1830 г. была сформирована Центральная комиссия для пресечения холеры, основные мероприятия которой сводились к карантинным действиям, а также к выпуску информационных «холерных листов», как, например, в Москве (Барина).

Ситуация с эпидемией холеры 1829 года, первым очагом которой стала прилегающая к казахским степям Оренбургская губерния, наглядно продемонстрировала весь комплекс проблем, стоявших перед Российской империей того времени, в сфере проблематики данной статьи.

В 1829 г. Оренбургская губерния первой в России была объявлена неблагополучной по холере. В условиях крайне низкой научной осведомленности о новом заболевании власти пытались самостоятельно выявить источник заболевания, а в отношении больных и очагов заражения ограничивались преимущественно мерами карантинной изоляции. Эффективность принятого в этот период Карантинного устава резко снижали лоббистские усилия крупного и среднего купечества по сохранению ведения торговли со странами Средней Азии, и Востока в целом (Тарасова, 2012).

В условиях, когда ничем, кроме строгих карантинных, а также обеззараживания окружающих предметов средствами вроде уксуса и спирта, власти помочь не могли, любой слух о неких «злоумышленниках», распространяющих заразу, неминуемо приводил к широкомасштабному бунту. Таковой и разразился в 1831 г. на Сенной площади Санкт-Петербурга, когда разъяренная толпа, круша все подряд, включая холерную больницу с реальным источником заразы, пыталась всеми способами найти мифических «отравителей», якобы наводнивших холерой даже Неву. В этих условиях Николаю I пришлось лично приезжать на площадь и руководить подавлением бунта, на этот раз не политического. Всего в России в период второй эпидемии холеры заболели 466 457 человек, из которых умерли 197 069 человек (Сычев, 2016).

По итогам «холерной экспедиции» в Киев в 1847 г. ученых-медиков Н. Козлова, Ф. Цыцурина и А. фон Вальтера был сделан вывод об отсутствии взаимосвязи между первыми зараженными и их контактированием с приезжими, а также о якобы «влиянии» на возникновение болезни атмосферы и неправильного питания зараженных (Козлов и др., 1848: 30).

Следующая национальная эпидемия (1852–1860 гг.) оказалась еще трагичнее: в результате нее погибло в общей сложности порядка 1 миллиона человек! Хотя наибольший урон от нее понес российский Юг, в особенности после Крымской войны 1853–1855 гг.

В общей сложности холерой были поражены 32 губернии с числом заболевших в 28 052 человека и умерших в 13 743. При этом в столичной Петербургской губернии эпидемия не утихла больше года (Васильев и др., 1960: 214–344).

Таким образом, общая готовность Российской империи к противостоянию крупным эпидемиям инфекционных заболеваний по состоянию на середину XIX столетия по-прежнему оставалась весьма низкой, причем как с точки зрения медицины, так и государственного управления, а также общей координации действий со стороны правительства и императорского двора. Показателен в этой связи тот факт, что, к примеру, портовый карантин Одессы – исходной точки на пути в Россию из Турции очередной эпидемии холеры 1865 г. – сам оказался очагом эпидемии (Васильев и др., 1960: 214–344).

При этом следует отметить то немаловажное для исследователя обстоятельство, что лишь с середины 1880-х гг. начала улучшаться ситуация со сбором статистических сведений по холерным эпидемиям, которыми на местах занимались земства, а затем систематизировали губернские холерные комитеты (Канищев и др., 2006).

Одной из ключевых ошибок в сфере государственного управления по борьбе с эпидемиями регионального и общегосударственного масштаба в дореволюционной России являлось то немаловажное обстоятельство, что последняя была целиком сосредоточена в руках царской (общеимперской) администрации, а органы местного самоуправления в лице возникших после «Великих реформ» Александра II земств к ней вовсе не допускались. И лишь после трагедии 1892 г., когда на пассажирских судах, стоявших в холерном карантине на так называемом «девяtifутовом рейде» близ Астрахани вследствие умышленного отсутствия поставок пресной воды и продовольствия с суши, начали массово гибнуть люди, ситуация с организацией противодействия эпидемиям на местном уровне начала меняться.

Правительство Александра III (годы правления 1881–1894) специальным постановлением было вынуждено вновь обратиться за помощью к местному самоуправлению – земствам, которые император не любил. Примечательно, что администрации тюрем на местах были обязаны в случае возникновения инфекционных заболеваний, в особенности эпидемий, немедленно уведомить об этом Главное тюремное управление в целях обеспечения строгих карантинных мер (Петренко и др., 2019).

Конечно, не в качестве оправдания неумелых действий властей, но как вескую сопутствующую им причину во время эпидемий холеры в России XIX века можно отметить тот факт, что возбудитель данного заболевания – холерный вибрион, хотя и был открыт итальянским ученым Филиппо Пачини еще в 1854 г., но в тот период был ошибочно отвергнут мировой наукой в пользу мифической гипотезы «миазмов» («холерных испарений» – авт.).

В 1908 г. эпидемия холеры с более чем 7 тыс. выявленных случаев накрыла Санкт-Петербург (Davis, 2018: 115). За это она в отрицательном ключе получила эпитет «великая».

За два десятка лет до этого, в 1892 г., эпидемия холеры охватила вновь присоединенные к Российской империи территории Туркестанской провинции с центром в Ташкенте, явив, по мнению профессора Карлтонского университета в Оттаве (Канада) Джеффа Сахадео, прямое наличие взаимосвязей между пришлым российским и автохтонным тюркским, персидским и иным местным мусульманским населением (Sahadeo, 2005: 1). Два года спустя, в 1894-м, холера вновь «охватила 2/3 страны, за исключением Архангельска и Княжества Финляндского» (Clemow, 1894: 61).

К началу XX века правительствами Александра III (1881–1894) и Николая II (1894–1917) было принято общероссийское антихолерное законодательство, а также создано большое число санитарно-исполнительных комиссий по борьбе с эпидемиями и их предупреждению на местах (Михель, 2008).

Помимо холеры, подходы дореволюционного Российского государства к борьбе с эпидемиями инфекционных заболеваний представляется также актуальным рассмотреть на примере тифа и его различных разновидностей – брюшного, сыпного и др. Хотя как заболевание тиф в различных разновидностях присутствовал в России с глубокой древности, даже в середине XIX века еще не существовало четкого определения сыпного тифа как самостоятельного понятия в контексте науки нозологии.

Первые достоверные случаи эпидемических вспышек наиболее распространенной – сыпной формы – тифа были впервые в России четко диагностированы во время Отечественной войны 1812 г. полковым врачом Я.И. Говоровым. Вплоть до середины XIX столетия широкомасштабные вспышки различных форм тифа наблюдались как среди гражданского населения, так и в регулярно воевавших российских вооруженных силах.

В 1876–1878 гг. сыпной тиф в результате эпидемии охватил 28 губерний как в Европейской части России, так и в Сибири. Призывы из них солдат в действующую армию особенно сильно обострили обстановку по тифу во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. (Михель, 2008).

При этом в период 1870-х гг. отечественная фундаментальная медицина добилась немалых успехов в вопросе диагностирования тифа и выявления отдельных его разновидностей.

Как и в случае с холерой, только появление относительно независимого как от помещиков, так и от центральной царской власти местного самоуправления – земства – позволило достичь некоторых успехов в борьбе с тифом. При этом и в начале XX века основными мерами борьбы с этим заболеванием оставались жесткий карантин и обработка зараженных местностей различными химикатами. Лишь в середине правления императора Николая II российские ученые пришли к полной убежденности в «повинности» в возникновении тифа очагов паразитарных насекомых-переносчиков, прежде всего комаров, и начали активные дезинсекционные мероприятия в местах их природного обитания – на болотах и в сырых логах, а также в населенных пунктах.

Тем не менее в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, коэффициент заболеваемости сыпным тифом в России колебался в пределах от 5,9 до 7,5, а случаи заболеваний регистрировались почти во всех районах страны (Михель, 2008).

Подводя итоги исследованию эволюции подходов государственного аппарата России к борьбе с инфекциями, в том числе в широких масштабах, с древнейших времен и вплоть до Октябрьской

революции 1917 г., можно отметить следующее. Хотя по мере развития как мировой, так и российской (с поправкой на ее длительное заметное отставание) биологической, а с 1674 г. и микробиологической науки, знания об инфекционных заболеваниях постоянно росли, мероприятия по борьбе с ними как со стороны центральных, так и местных российских властей носили весьма примитивный характер. Преимущественно они сводились к карантинам, хотя, начиная со второй половины XVIII века и особенно в XIX столетии, к ним добавились методы химической дезинфекции различными веществами, начиная с хлора и заканчивая уксусом, золой и даже кислым пивом.

Важным и крайне отрицательным фактором, в том числе с морально-этической стороны, было практически полное безразличие вплоть до первой половины XIX века правящей элиты к нуждам страдавших от эпидемий крестьян и городской бедноты. Вплоть до эпохи Екатерины II сохранялось стремление дворянства, зажиточного купечества и мещан спасти собственные жизни и фактически спастись бегством из очага эпидемии, бросив на произвол судьбы своих сограждан из социальных низов и зачастую лишь способствуя отъездом на здоровые территории дополнительному распространению очагов заразы. Причем представители губернских и иных местных властей вели себя так же, как и московские городские власти в ходе описанной выше эпидемии чумы 1770–1772 гг.

Лишь со второй четверти XIX века попытки равного вспомоществования всем пострадавшим от эпидемий в рамках соответствующих санитарно-противоэпидемических мероприятий начали постепенно входить в практику как центральных императорских, так и местных российских властей всех уровней, хотя процесс этот был весьма медленным вплоть до отмены крепостного права и появления принципиальной системы местного самоуправления (земств) в 1860-х гг.

По состоянию на первый год I Мировой войны (1914) ситуация по заболеваемости населения всеми видами известных тогдашней российской медицине болезней в целом, и «острозаразными болезнями» в частности, констатировалась санитарными властями империи как «в общем благоприятной» (*Отчет о состоянии народного здоровья, 1916: V*).

Тем не менее эпидемии различных инфекционных заболеваний – чумы, холеры, оспы, тифа и др. – продолжались вплоть до Октябрьской революции, а также некоторое время и после нее. Немалую роль в этой связи продолжала играть неблагоприятная санитарно-эпидемиологическая обстановка во многих населенных пунктах Российской империи, в особенности на лишенных канализации и иных удобств фабрично-заводских окраинах крупных городов и в более мелких населенных пунктах. Характерным примером в этой связи может являться Реутовская хлопкопрядильная фабрика Московской губернии (ныне в городе Реутове Московской области), на которой, по свидетельству санитарной комиссии 1881 г. во главе с основоположником научной гигиены в России Ф.Ф. Эрисманом, были чрезвычайно распространены такие заболевания, как рожа, оспа, малярия. При этом обнищание фабричных рабочих доходило до отсутствия нижнего белья, а то и штанов, обуви, постельного и столового белья (*Сергеев, 1997: 38*).

В этой связи приходится невольно согласиться с советскими источниками по тематике настоящего исследования, несмотря на известную степень их идеологической ангажированности, о том, что принципиальная борьба как с холерой, так и с прочими инфекционными болезнями была возможна в дореволюционной России лишь после радикальных политических и социально-экономических перемен в существовавшем строе (*Васильев и др., 1960: 214-344*).

В рамках данного исследования удалось установить:

1. Противоэпидемические меры начали носить относительно систематический характер в России лишь с начала XVIII в., в эпоху Петра I. До этого, в XI–XVII вв., все «мероприятия» по борьбе с чумой и иными массовыми инфекциями сводились к широкомасштабному бегству населения из очагов заражения (что лишь больше разносило заразу), экстренному строительству все новых и новых церквей в городах, «обработке» воздуха на дорогах из зараженных районов жаром многочисленных костров и физическим недопущением больных людей в здоровые регионы путем выставления вооруженных кордонов и застав (начиная с XV века).

2. Борьба с холерой в середине XIX века осложнялась как новизной этого заболевания для тогдашней Российской империи, так и спорами о ее происхождении, а равно и проистекавшими отсюда вопросами относительно подходов к ее лечению.

3. Борьба с тифом носила аналогичный характер.

5. Заключение

Проанализированный в рамках данной статьи ход исторической эволюции подходов госаппарата дореволюционной России к борьбе с опасными широкомасштабными эпидемиями инфекционных заболеваний за период с XI века и вплоть до 1917 г. позволяет сделать несколько выводов.

1. Ключевыми факторами неудач в борьбе с инфекционными заболеваниями являлись сословная отчужденность «верхов» (боярства, дворянства, зажиточного купечества) от «низов» (большей части крестьянства и городской бедноты) в условиях чрезвычайных обстоятельств, вызванных эпидемиями. Особенно четко это проявлялось в период до XIX века и выражалось в стремлении спасти в первую очередь себя, даже если представители упомянутых «верхов» занимали

властные должности и в силу возложенных на них полномочий обязывались непосредственно организовывать борьбу с эпидемиями.

2. Только появление относительно независимого как от помещиков (дворянства и небольшой части зажиточных мещан), так и от центральной царской власти местного самоуправления – земства, по итогам «Великих реформ» Александра II 1860-х гг., позволило достичь некоторых успехов в борьбе с такими опасными инфекционными заболеваниями, как тиф, холера и др.

3. Безусловную негативную роль в борьбе с широкомасштабными эпидемиями в России играло и несовершенство биологической науки как общемировой в период до изобретения голландцами микроскопа в 1590 г., так и российской. Открыто проявилась подобная отсталость на примере холеры, которую вплоть до конца XIX в. многие отечественные и зарубежные ученые-микробиологи продолжали связывать с мифическими «испаряющимися миазмами».

Литература

Баринова – Баринова О. Не золотая лихорадка: как в России спасались от эпидемий. Федеральный портал История.РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/nie-zolotaia-likhoradka-kak-v-rossii-spasalis-ot-epidemii> (дата обращения: 08.04.2020).

Богоявленский, 1964 – Богоявленский Н.А. Медицина у первоселов русского севера. М., 1964.

Васильев и др., 1960 – Васильев К., Сегал Л. История эпидемий в России (материалы и очерки) / Под ред. проф. А.И. Метелкина. М., 1960.

Еникеев, 2015 – Еникеев Р. Вопросы нормативного регулирования карантинных и противоэпидемических мероприятий в Российской империи. «Правовое государство: проблемы понимания и реализации» / Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа, 16–17 апреля 2015 г. Часть 1. С. 197. [Электронный ресурс]. URL: <http://library.vspu.net/bitstream/handle/123456789/1832/%D0%A7.1.%2013%2C04%2C15.pdf?sequence=3&isAllowed=y> (дата обращения: 25.05.2020).

Канищев и др., 2006 – Канищев В., Мещеряков Ю., Яковлев Е. Источники изучения поведения населения и деятельности властей Тамбовской губернии в условиях холерных эпидемий XIX века. 1. // Вестник ТГУ. 2006. Выпуск 1 (41). С. 16. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-izucheniya-povedeniya-naseleniya-i-deyatelnosti-vlastey-tambovskoy-gubernii-v-usloviyah-holernyh-epidemiy-xix-v-1/viewer> (дата обращения: 25.05.2020).

Козлов и др., 1848 – Козлов Н., Цыцурин Ф., Вальтер А. фон. Медицинский отчет о холерной эпидемии в Киеве 1847 года. Киев, 1848.

Михель, 2008 – Михель Д. Общественное здоровье и холерный вибрион: Российская империя, медицина и бактериология начала XX века перед угрозой холеры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». 2008. Т. 8. № 2. Вып. 2. С. 73. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennoe-zdorovie-i-holernyy-vibrion-rossiyskaya-imperiya-meditsina-i-bakteriologiya-nachala-xx-veka-pered-ugrozoy-holery/viewer> (дата обращения: 25.05.2020).

Михель, 2008a – Михель Д. Чума и эпидемиологическая революция в России, 1897–1914. Вестник Евразии. 2008. № 3. С. 160. [Электронный ресурс]. URL: <https://poseidon01.ssrn.com/delivery.php?ID> (дата обращения: 25.05.2020).

Отчет о состоянии народного здоровья, 1916 – Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1914 год. Петроград, 1916. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/435717> (дата обращения: 14.03.2021).

Петренко и др., 2019 – Петренко Н., Дубаенко Н. Правовое регулирование борьбы с эпидемиями в пенитенциарных учреждениях Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Наука и инновации в системе развития информационного общества / Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Часть 2. Чебоксары, 30 января 2019 г. С. 182.

Полное собрание русских летописей, 1841 – Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись. СПб., 1841.

Полное собрание русских летописей, 1843 – Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1843.

Полное собрание русских летописей, 1848 – Полное собрание русских летописей. Т. 4. СПб., 1848.

Полное собрание русских летописей, 2002 – Полное собрание русских летописей. Т. 42. СПб., 2002.

Самсонов, 2015 – Самсонов А. «Черная смерть» в России. Часть 2. Портал «Военное обозрение», 13.12.2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/22015-chernaya-smert-v-rossii-chast-2.html> (дата обращения: 02.04.2020).

Сергеев, 1997 – Сергеев Е. Реутов от хутора до града. М., 1997.

Сироткин, 2014 – Сироткин А. Чума в Москве в 1770–1772 гг. и санитарные меры правительства и московских властей. Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». № 17 (139). 2014. С. 130–141. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chuma-v-moskve>

moskve-v-1770-1772-gg-i-sanitarnye-mery-pravitelstva-i-moskovskih-vlastey-1/viewer (дата обращения: 20.05.2021).

Сычев, 2016 – Сычев И. История мировых эпидемий, часть 2. Интернет-портал «Хабр», 20.11.2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/post/399379> (дата обращения: 08.04.2020).

Тарасова, 2012 – Тарасова И. Деятельность Министерства внутренних дел Российской империи по организации противоэпидемических мероприятий в первой половине XIX века // *Журнал «Проблемы в российском законодательстве»*. № 5. 2012. С. 181. [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-ministerstva-vnutrennih-del-rossiyskoj-imperii-po-organizatsii-protivoepidemicheskikh-meropriyatij-v-pervoy-pолоvine-xix/viewer> (дата обращения: 20.05.2021).

Хайдаров, 2018 – Хайдаров Т. Эпоха «Черной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах (конец XIII – первая половина XV вв.). Казань, 2018.

Чума в Одессе, 1911 – Чума в Одессе. Отчет о командировке в г. Одессу для ознакомления с чумой и с современными способами борьбы с нею приват-доцента Императорского Казанского университета Петра Заболотнова. Казань, 1911.

Шкунов, 2018 – Шкунов В. Реализация государственной карантинной и санитарной политики в Российской империи в XVIII веке // *Журнал «Гигиена и санитария»*. 2018. № 7 (97). С. 672. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-gosudarstvennoy-karantinnoy-i-sanitarnoy-politiki-v-rossiyskoj-imperii-v-xviii-veke/viewer> (дата обращения: 25.05.2020).

Clemow, 1894 – Clemow F.G. A Contribution to the Epidemiology of Cholera in Russia. February 21st 1894. P. 61. [Electronic resource]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5542518/?page=1> (date of access: 25.05.2020)

Davis, 2018 – Davis J. P. Russia in the Time of Cholera. L. – N.Y., 2018. P. 115. [Electronic resource]. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=1BOMDwAAQBAJ&oi=fnd&pg=PP1&dq=cholera+russian+empire&ots=2td4irR929&sig=eM-PhBlpfvALDxhkryjCfXLQEA4&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (date of access: 24.05.2020)

Henze, 2011 – Henze C.E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823-1914. L.-N.Y.: Routledge, 2011. P. 12.

Iskhakov, Aksenov, 2015 – Iskhakov E., Aksenov S. Legislative Measures for Preventive Infection Diseases in the Russian Empire issued During the Tsar Pavel the First. Journal of Siberian Federal University. *Humanities & Social Sciences*. 2015. 11(8): 2432. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/legislative-measures-for-preventive-infection-diseases-in-the-russian-empire-issued-during-the-tsar-pavel-the-first/viewer> (date of access: 24.05.2020)

McGrew, 1960 – McGrew R.E. The First Cholera Epidemic and Social History. *Bulletin of the History of Medicine*. Vol. 34, No. 1. SYMPOSIUM ON THE HEART Presented at the thirty-second Annual Meeting of the American Association for the History of Medicine (JANUARY-FEBRUARY, 1960), pp. 61-73. [Electronic resource] URL: https://www.jstor.org/stable/44446659?read-now=1&refreqid=excelsior:foe3af027b8e27f138ce5c061fee3df&seq=2#page_scan_tab_contents (date of access: 24.05.2020)

Patterson, 1994 – Patterson D.K. Cholera diffusion in Russia, 1823–1923. Abstract. *Social Science & Medicine*. May 1994. Vol. 38. Is. 9. Pp. 1171-1191 [Electronic resource]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/027795369490183X> (date of access: 25.05.2020).

Sahadeo, 2005 – Sahadeo J. Epidemic and Empire: Ethnicity, Class, and “Civilization” in the 1892 Tashkent Cholera Riot. *Slavic Review*. 2005. Vol. 64. No. 1, pp. 117-139. [Electronic resource]. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/slavic-review/article/epidemic-and-empire-ethnicity-class-and-civilization-in-the-1892-tashkent-cholera-riot/CEB21FDAC59FE3C2A097C57C67A45AFA> (date of access: 24.05.2020).

References

Barinova – Barinova, O. Ne zolotaya likhoradka: kak v Rossii spasalis' ot epidemii. [Not a gold rush: how people were saved from epidemics in Russia]. Federal'nyi portal Istoriya.RF. [Electronic resource]. URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/nie-zolotaia-likhoradka-kak-v-rossii-spasalis-ot-epidemii> (date of access: 08.04.2020). [in Russian]

Bogoyavlenskii, 1964 – Bogoyavlenskii, N.A. (1964). Meditsina u pervoselov russkogo severa [Medicine among the first settlers of the Russian North]. M. Pp. 72-75. [in Russian]

Clemow, 1894 – Clemow, F.G. (1894). A Contribution to the Epidemiology of Cholera in Russia. February 21st 1894. [Electronic resource] URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5542518/?page=1> (date of access: 25.05.2020) P. 61.

Davis, 2018 – Davis, J.P. (2018). Russia in the Time of Cholera. L. N.Y., 2018. P. 115. [Electronic resource]. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=1BOMDwAAQBAJ&oi=fnd&pg=PP1&dq=cholera+russian+empire&ots=2td4irR929&sig=eM-PhBlpfvALDxhkryjCfXLQEA4&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (date of access: 25.05.2020).

Henze, 2011 – Henze, C.E. (2011). Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823-1914. L.-N.Y.: Routledge. P. 12.

[Iskhakov, Aksenov, 2015](#) – *Iskhakov, E., Aksenov, S.* (2015). Legislative Measures for Preventive Infection Diseases in the Russian Empire issued During the Tsar Pavel the First. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2015. 11(8): 2432. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/legislative-measures-for-preventive-infection-diseases-in-the-russian-empire-issued-during-the-tsar-pavel-the-first/viewer> (date of access: 24.05.2020).

[Kanishchev i dr., 2006](#) – *Kanishchev, V., Meshcheryakov, Yu., Yakovlev, E.* (2006). Istochniki izucheniya povedeniya naseleniya i deyatelnosti vlastei Tambovskoi gubernii v usloviyakh kholernykh epidemii XIX veka [Sources of studying the behavior of the population and the activities of the authorities of the Tambov province in the conditions of cholera epidemics of the 19th century]. *Vestnik TGU*. 1(41): 16. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-izucheniya-povedeniya-naseleniya-i-deyatelnosti-vlastey-tambovskoy-gubernii-v-usloviyah-holernykh-epidemiy-xix-v-1/viewer> (date of access: 25.05.2020). [in Russian]

[Kozlov, 1848](#) – *Kozlov, N., Tsytsurin, F., Val'ter, A. fon.* (1848). Meditsinskii otchet o kholernoii epidemii v Kieve 1847 goda [Medical report on the cholera epidemic in Kiev in 1847]. Kiev. P. 30. [in Russian]

[McGrew, 1960](#) – *McGrew, R.E.* (1960). The First Cholera Epidemic and Social History. *Bulletin of the History of Medicine*. 34(1). SYMPOSIUM ON THE HEART Presented at the thirty-second Annual Meeting of the American Association for the History of Medicine (JANUARY-FEBRUARY, 1960). [Electronic resource]. URL: https://www.jstor.org/stable/44446659?read-now=1&refreqid=excelsior:foe3af027b8e27f138ce5c061f1ee3df&seq=2#page_scan_tab_contents (date of access: 24.05.2020) Pp. 61-73.

[Mikhel', 2008](#) – *Mikhel', D.* (2008). Obshchestvennoe zdorov'e i kholernyi vibrion: Rossiiskaya imperiya, meditsina i bakteriologiya nachala XX veka pered ugrozoi kholery [Public health and cholera vibrio: The Russian Empire, medicine and bacteriology of the early XX century before the threat of cholera]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 8(2): 73. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obshchestvennoe-zdorovie-i-holernyy-vibrion-rossiyskaya-imperiya-meditsina-i-bakteriologiya-nachala-xx-veka-pered-ugrozoy-holery/viewer> (date of access: 25.05.2020). [in Russian]

[Mikhel', 2008a](#) – *Mikhel', D.* (2008). Chuma i epidemiologicheskaya revolyutsiya v Rossii, 1897-1914. [The plague and the epidemiological revolution in Russia, 1897-1914]. *Vestnik Evrazii*. 3: 160. [Electronic resource]. URL: <https://poseidon01.ssrn.com/delivery.php?ID> (date of access: 25.05.2020). [in Russian]

[Patterson, 1994](#) – *Patterson, D.K.* (1994). Cholera diffusion in Russia, 1823-1923. Abstract. *Social Science & Medicine*. May 1994. Vol. 38. Is. 9: 1171-1191. [Electronic resource]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/027795369490183X> (date of access: 25.05.2020).

[Petrenko, 2019](#) – *Petrenko, N., Dubaenko, N.* (2019). Pravovoe regulirovanie bor'by s epidemiyami v penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh Rossiiskoi imperii na rubezhe XIX-XX vv. [Legal regulation of the fight against epidemics in penitentiary institutions of the Russian Empire at the turn of the XIX-XX centuries]. *Nauka i innovatsii v sisteme razvitiya informatsionnogo obshchestva*. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Chast' 2. Cheboksary, 30 yanvarya 2019 goda. P. 182. [in Russian]

[Polnoe sobranie russkikh letopisei, 1841](#) – Polnoe sobranie russkikh letopisei (1841). T. 3. *Novgorodskaya pervaya letopis'*. [The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 3. The Novgorod first chronicle]. SPb. P. 58. [in Russian]

[Polnoe sobranie russkikh letopisei, 1843](#) – Polnoe sobranie russkikh letopisei (1843). T 2. *Ipat'evskaya letopis'*. [The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 2. The Ipatiev Chronicle]. SPb. P. 82. [in Russian]

[Polnoe sobranie russkikh letopisei, 1848](#) – Polnoe sobranie russkikh letopisei [The Complete Collection of Russian Chronicles]. 1848. T 4. SPb. Pp. 115, 190-191. [in Russian]

[Polnoe sobranie russkikh letopisei, 2002](#) – Polnoe sobranie russkikh letopisei [The Complete Collection of Russian Chronicles]. 2002. T 42. SPb. P. 150. [in Russian]

[Samsonov, 2015](#) – *Samsonov, A.* (2015). «Chernaya Smert'» v Rossii. Chast' 2. [The "Black Death" in Russia. Part 2]. *Portal «Voennoe obozrenie»*. 13.12.2012. [Electronic resource]. URL: <https://topwar.ru/22015-chernaya-smert-v-rossii-chast-2.html> (date of access: 02.04.2020). [in Russian]

[Sahadeo, 2005](#) – *Sahadeo, J.* (2005). Epidemic and Empire: Ethnicity, Class, and "Civilization" in the 1892 Tashkent Cholera Riot. *Slavic Review*. 64(1): 117-139. [Electronic resource]. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/slavic-review/article/epidemic-and-empire-ethnicity-class-and-civilization-in-the-1892-tashkent-cholera-riot/CEB21FDAC59FE3C2A097C57C67A45AFA> (date of access: 24.05.2020).

[Sergeev, 1997](#) – *Sergeev, E.* (1997). Reutov ot khutora do grada [Reutov from the farmstead to the town]. M. P. 38. [in Russian]

[Sirotkin, 2014](#) – *Sirotkin, A.* (2014). Chuma v Moskve v 1770-1772 gg. i sanitarnye mery pravitel'stva i moskovskikh vlastei. [The plague in Moscow in 1770-1772 and sanitary measures of the government and the Moscow authorities]. *Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya»*. 17(139): 130-141. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chuma-v-moskve-v-1770-1772-gg-i-sanitarnye-mery-pravitelstva-i-moskovskih-vlastey-1/viewer> (date of access: 20.05.2021). [in Russian]

Sychev, 2016 – Sychev, I. (2016). Istoriya mirovykh epidemii, chast' 2 [The history of world epidemics, part 2]. Internet-portal «Khabr». [Electronic resource] URL: <https://habr.com/ru/post/399379> (date of access: 08.04.2020). [in Russian]

Tarasova, 2012 – Tarasova, I. (2012). Deyatel'nost' Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi imperii po organizatsii protivoepidemicheskikh meropriyatii v pervoi polovine XIX veka [The activity of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire on the organization of anti-epidemic measures in the first half of the 19th century]. *Zhurnal «Probely v rossiiskom zakonodatel'stve»*. 2012. 5: 181. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-ministerstva-vnutrennih-del-rossiyskoy-imperii-po-organizatsii-protivoepidemicheskikh-meropriyatii-v-pervoy-polovine-xix/viewer> (date of access: 20.05.2021). [in Russian]

Khaidarov, 2018 – Khaidarov, T. (2018) Epokha «Chernoї smerti» v Zolotoi Orde i prilegayushchikh regionakh (konets XIII – pervaya polovina XV vv.). [The era of the "Black Death" in the Golden Horde and adjacent regions (late XIII – first half of the XV centuries)]. Kazan', 2018. P. 84. [in Russian]

Chuma v Odesse, 1911 – Chuma v Odesse (1911). Otchet o komandirovke v g. Odessu dlya oznakomleniya s chumoi i s sovremennymi sposobami bor'by s neyu privat-dotsenta Imperatorskogo Kazanskogo universiteta Petra Zabolotnova. [The plague in Odessa. Report on a business trip to Odessa to get acquainted with the plague and with modern ways of combating it, private Associate Professor of the Imperial Kazan University Pyotr Zabolotnov]. Kazan', 1911. P. 51. [in Russian]

Shkunov, 2018 – Shkunov, V. (2018). Realizatsiya gosudarstvennoi karantinnoi i sanitarnoi politiki v Rossiiskoi imperii v XVIII veke. [Implementation of the state quarantine and sanitary policy in the Russian Empire in the 18th century]. *Zhurnal «Gigiya i sanitariya»*. 7(97): 672. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-gosudarstvennoy-karantinnoy-i-sanitarnoy-politiki-v-rossiyskoy-imperii-v-xviii-veke/viewer> (date of access: 25.05.2020). [in Russian]

Эволюция подходов Российского государства к вопросам борьбы с эпидемиями инфекционных заболеваний в период с Московского государства до начала XX века

Антон Михайлович Тузин ^a, Марина Викторовна Данилина ^{b, c, *}, Ирина Анатольевна Гусева ^b, Йылмаз Баяр ^d

^a Российский университет кооперации, Российская Федерация

^b Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Российская Федерация

^c Финансовый университет при Правительстве РФ, Российская Федерация

^d Университет Бандырма Онъеди Эйлюль, Турция

Аннотация. В статье рассматривается опыт борьбы с эпидемиями инфекционных заболеваний в России в период, начиная с Московского государства и до начала XX века. Данный опыт анализируется через ретроспективу борьбы с эпидемией чумы в Российской империи в конце XVIII века и эпидемией холеры в середине XIX века. Основной этап борьбы с инфекционными заболеваниями начался в России только в середине XIX века. Россия достаточно поздно столкнулась с такой ситуацией. С самых ранних времен своей истории российские подходы к борьбе с эпидемиями как в бюрократической, так и в медицинской сферах были крайне отсталыми, и только в XVIII веке ситуация начала меняться к лучшему. Но даже после реформ Петра Великого борьба с эпидемиями велась неэффективно, что дополнялось глобальными проблемами в понимании природы различных инфекционных заболеваний. Таким образом, нельзя не согласиться с советскими источниками, несмотря на определенную степень их идеологической предвзятости, в том, что борьба с холерой, как и со всеми болезнями, была возможна в дореволюционной России только после радикального изменения политической системы и широких социальных реформ.

Ключевые слова: эпидемические заболевания, инфекции, чума, холера, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: marinadanilina@yandex.ru (М.В. Данилина)